

Алексей Веселовский, побывавший в Фернее в 1892 г.²⁶ Но дело было не только в том, что реабилитация фернейского патриарха к этому времени совершилась полностью, но и в том, что до конца столетия интерес к наследию Вольтера перебивался любопытством к его личности.²⁷

В свете приведенных справок получает особое значение известная сцена повести Достоевского «Село Степанчиково» (ч. 2, гл. III), в которой Бахчеев и Ежевикин спорят с Фомой о «вольтерьянцах»: «Меня самого вольтерьянцем обозвали — ей богу-с, жалуется Ежевикин, — а ведь я, всем известно, так еще мало-с написал-с ... то есть кринка молока у бабы скиснет — все господин Вольтер виноват. Все у нас так-с.

«— Ну, нет! заметил дядя с важностью, — это ведь заблуждение! Вольтер был только острый писатель; смеялся над предубеждениями; а волтерьянцем никогда не бывал! Это все про него враги распустили. За что ж в самом деле все на него, бедняка?».

Любопытство к личности писателя и ее популярность заслуживали порой интерес к его творческому наследию.

²⁶ Алексей Веселовский. У Вольтера. — В кн.: Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. М., 1892, стр. 453—461. Эта статья перепечатывалась четыре раза в составе сборника статей А. Веселовского «Этюды и характеристики» (изд. 4-е, т. I, М., 1912, стр. 202—210).

²⁷ См., например: Н. К. Михайловский, Сочинения, т. 6, СПб., 1897, стр. 1—71; Н. В. Симборский. Статуя. В кн.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Ред. А. М. Бихтера, М.—Л., 1962, стр. 362—376.